

УДК 811

UDC 811

12.00.00 Филологические науки

Philological sciences

**ПРОБЛЕМА ОМОНИМИИ ИМЕН
СОБСТВЕННЫХ И ИМЕН
НАРИЦАТЕЛЬНЫХ В РЕЧЕВЫХ
НАИМЕНОВАНИЯХ**

**THE PROBLEM OF HOMONYMY OF PROPER
NOUNS AND COMMON NOUNS IN
INDIVIDUAL SPEECH NOMINATIONS**

Евсюкова Татьяна Всеволодовна
доктор филологических наук, профессор
Scopus ID 57193851907
декан факультета лингвистики и журналистики
ФБГОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»,
г.Ростов-на-Дону, Россия
nice.tevs@mail.ru

Evsyukova Tatyana Vsevolodovna
Dr. of Philology, Professor
Scopus ID 57193851907
Dean of the Faculty of Linguistics and Journalism,
FBGOU VO "Rostov State University of Economics
(RINH)," Rostov-on-Don, Russia
nice.tevs@mail.ru

В статье рассматривается проблема онимизации имен собственных и имен нарицательных в индивидуально-речевых наименованиях типа пылесос «Томас». Для изучения вопроса омонимии имен собственных и имен нарицательных и их распознавания в речи ставится проблема сохранения тождественности имени собственного самому себе в речевых образованиях, рассчитанных на перенос этого имени собственного в сферу иных предметных соотношений, возможность контекстуальных и других идентификаторов переключать исходные имена собственные и имена нарицательные в новую сферу именовании на срок, достаточный для возникновения нового языкового узуса. Акцентируется речевая принадлежность данных наименований с компонентом имени собственного. Делается вывод о том, что включение имен собственных в речевые наименования, несмотря на их массовость, носят окказиональный характер и очень редко служат базой для образования омонимов – новых нарицательных слов. Имя собственное в составе индивидуального речевого наименования не есть имя собственное в настоящем смысле, а лишь уточнитель, формант значения единичности, существующий только постольку, поскольку сохраняется его наименование. С исчезновением или преобразованием этого наименования ИС-уточнитель возвращается в свое первоначальное состояние

The article deals with the problem of onimization of proper names and common nouns in individual-speech nominations such as the "Thomas" vacuum cleaner. To study the question of homonymy of proper names and common nouns and their recognition in speech we set the problem of preserving the identity of the proper name to itself in speech formations designed to transfer this proper name to the sphere of other subject correlations, the possibility of contextual and other identifiers to switch the original proper names and common names into a new sphere of naming for a period sufficient for the appearance of a new usage. The speech affiliation of these proper name component nominations is stressed. It is concluded that the inclusion of proper names in the speech denominations, despite their mass character, are of an occasional nature and very rarely serve as a basis for the formation of homonyms - new common words. Proper name as a part of an individual speech name is not a proper name in the true sense, but only an identifier, a formant of the value of singularity, existing only as far as its name is preserved. With the disappearance or transformation of this name, the proper name identifier returns to its original state

Ключевые слова: ИМЯ СОБСТВЕННОЕ, ИМЯ
НАРИЦАТЕЛЬНОЕ, ОМОНИМИЯ,
НАИМЕНОВАНИЕ, ИС-УТОЧНИТЕЛЬ, ЯЗЫК И
РЕЧЬ, ОНОМАСТИКОН

Keywords: PROPER NOUN, COMMON NOUN,
HOMONYMY, NOMINATION, PROPER NAME
IDENTIFIER, LANGUAGE, SPEECH,
ONOMASTICON

Doi: 10.21515/1990-4665-132-070

Словарь имен собственных национального языка, взятый в

синхронном, относительно неизменном виде, отделяется от словаря апеллятивов соответствующего периода второй половины XX и начала XXI вв. практически необъятным множеством речевых образований, которые в сиюминутном употреблении выступают в функции имени собственного, но почти не проникают в словарь имен собственных (ИС) или имен нарицательных (ИН).

Такие образования (условно обозначаем их речевые индивидуальные наименования) очень часто содержат в своем составе антропонимы или топонимы, чей статус в данном случае также требует осмысления.

В речевом потоке ИС и ИН, выполняя разные логико-грамматические и семантические функции, свободно соседствуют, не вызывая, как правило, затруднений в выражении и дешифровке формулируемых и воспринимаемых мыслей.

Способы речевого разграничения ИС и ИН могут быть осознаны на основе следующих взаимоисключающих постулатов.

1. Принадлежность к ИС или ИН в живом языке является отмеченной языковой характеристикой. Носители конкретного языка знают потенциально весь словарь и ИС, и ИН. Возможные недоразумения следует объяснять лишь недостаточной осведомленностью того или иного носителя.

2. Принадлежность к ИС или ИН является лишь речевым состоянием того или иного существительного. Включение в словарь, языковое закрепление в ономастиконах и устной традиции - лишь частный случай, охватывающий незначительную часть слов, которые потенциально могут быть употреблены в качестве ИС.

Принимая первое положение, мы должны признать, что речевой контекст играет лишь второстепенную, сопровождающую, роль в идентификации ИС в речи.

Остановившись на втором допущении, мы приходим к выводу о несущественности языковой отмеченности того или иного словесного

знака и о первостепенности его комбинаторно выраженного речевого значения, сиюминутной связи с обозначаемым.

Очевидно, истина лежит посредине между этими полярными допущениями.

Нельзя сказать, что мы различаем ИС в любом речевом окружении только на основе предварительного знания о его принадлежности к словарю собственных имен. В этом случае все новые ИС, омонимичные нарицательным, остались бы неузнанными. Но неверно было бы и утверждать и то, что контекстуальные, комбинаторные и формально-грамматические средства идентификации ИС в состоянии решить эту задачу в полном отрыве от звучания и значения конкретного ИС, без опоры на ассоциативный ряд звукового комплекса имени. Искусственные образования типа город Н или господин Х – это лишь исключения, правильно воспринимаемые только на фоне подавляющего большинства нормальных топонимических и антропонимических образований.

В связи с этим нам представляется полезным для изучения вопроса об омонимии ИС и ИН и их распознавании в речи остановиться на проблеме сохранения тождественности имени собственного самому себе в речевых образованиях, рассчитанных на переключение этого ИС в сферу иных, часто очень далеких от исходной, предметных соотнесенностей [Ермолович, 2001]. Также возникает вопрос, могут ли контекстуальные и прочие идентификаторы переключить исходные ИС и ИН в новую сферу именованной на срок, достаточный для возникновения нового языкового узуса, может ли новая предметная соотнесенность сохраняться в сознании реципиента достаточно долго без повторного использования идентификаторов-подпорок, предназначаются ли речевые наименования с компонентом ИС для длительного хранения в языковой памяти и каковы условия, способствующие полному переходу ИС в ИН, одних ИС в ИС других групп и т.д.

Имена собственные, как и вся лексика любого национального языка, являются фактом в равной мере языка и речи [Суперанская, 1973: 214]. Но это исходное положение нуждается в значительных уточнениях, диктуемых особенностями происхождения, собственной и этимологической семантики, а также спецификой и сферой функционирования конкретных имен.

При синхронном рассмотрении вопроса можно исходить из утверждения о том, что ядро собственных имен основных видов (антропонимы, зоонимы, топонимы) принадлежат языку (зарегистрировано в словарях) и речи, функционирует, обновляется и подкрепляется в речевом сознании народа устойчивым повторением в устных и письменных речевых актах. Так, русские или английские личные имена Иван, Петр, Джон, Генри и т.д. не только числятся как таковые в словарях и ономастиконах, но постоянно соотносятся в речи с людьми мужского пола и соответствующей национальности.

Несомненность этого факта затеняет то обстоятельство, что во все времена ИС из самых устойчивых языковых групп весьма свободно использовались для обозначения не традиционных для них объектов [Никитин и др, 1992]. Переносы ИС из одной предметной сферы в другую происходили и происходят и стихийно, в порядке индивидуального словотворчества, и организовано и системно, но и в этом случае отношение имен, подвергшихся переносу к языку и речи требует специального осмысления.

До недавнего времени тайфуны и ураганы называли женскими именами (Дженни, Пегги, Алиса, Анна, Бетти). В восьмидесятые годы прошлого столетия Всемирная метеорологическая организация расширила список, включив и мужские имена (Генри, Джеймс, Фредерик, Мартин и т.д.).

При этом, несмотря на перенос в очень далекую, сферу (от человека к такому исключительному явлению природы, как ураган), соответствующие имена остались самими собой - антропонимами. В своем прямом

употреблении они сохраняют наряду с номинативным значением (имя конкретного лица) и общее значение - наименование человека определенного пола и - более или менее точно - определенной национальности. В качестве наименования тайфуна - Генри или Бетти - всего лишь разновидность порядкового номера, красочная, легкозапоминающаяся этикетка. "Ураган Генри" - это речевое образование, сокращение которого до "Генри" возможно лишь в рамках контекста узкоспециального текста, в ряду однотипных именовании. Вхождение слова Генри в язык в значении "ураган" невозможно. Контекстуально необусловленное, лишенное нарицательного слова, выражающего родовое понятие "ураган" или "тайфун" употребление такого наименования в данном случае недееспособно.

Другой пример: по предложению ученых, поддержанному Международным астрономическим союзом, одна из малых планет, открытая в 1998 году, названа именем Николая Боголюбова. С точки зрения ономастики, это явление однопорядковое с присвоением тайфунам и ураганам личных имен людей. Но нетрудно заметить и моменты различия. Здесь переносятся не личные имена из общенационального арсенала, а фамилия известного лица, сам же новый референт имени относится не к бесконечному ряду проявлений одного явления природы (ураган), а к относительно ограниченному множеству небесных тел определенного рода (малая планета). Если бы данная планета по какой-либо причине получила широкую известность, то вполне возможно было бы развитие нарицательных омонимов соответствующих ИС со значением "планета" (ср. Солнце и солнца).

Здесь очевидна важность характера предметной связи исходного ИС. Генри в первом случае не имеет единичного значения, не ассоциируется с конкретным лицом и имеет лишь общее значение "мужчина", а Николай Боголюбов - во втором случае - имеет определенное единичное значение -

известный ученый, академик. Отсюда предпосылка для создания ИС - омонима. Подобная омонимическая связь существует между ИС Венера (богиня) - Венера (планета), Марс (бог) - Марс (планета) и другими ИС, омонимично обозначающими античных богов и небесные тела (Плутон, Нептун, Уран, Меркурий, Сатурн, Юпитер). В этом случае исходные ИС имели не только общее значение "один из богов или одна из богинь Олимпа", но и единичное значение - достаточно отчетливое и красочное, хотя и вымышленное представление о богине любви, боге войны, подземного царства, океана и т.д. Мифология снабдила их яркими биографиями, индивидуальной внешностью, характером, устойчивыми симпатиями и антипатиями.

Здесь напрашивается предположение, что для полной омонимизации ИС и производного ИН важен характер исходной предметной связи ИС, благоприятным для такой омонимизации является наличие исходного единого значения, как в случаях, описанных выше.

Язык выработал устойчивый и достаточно универсальный свод немногочисленных правил, позволяющий переключить, в конкретном речевом употреблении любое ИС в новую сферу именованной, сделать из него собственное имя предмета иной сферы или даже преобразовать его в имя нарицательное. Последнее преобразование почти всегда связано с достижением узуральности нового значения знака и зависит не только и не столько от нового речевого употребления имени, сколько от фактора универсальной известности нового предмета, фактора времени и других объективных причин экстралингвистического характера.

Рассматривая подобные примеры, отдельные ученые (В.П. Нерознак, Р.З.Ханичев) относят данные языковые явления к случаям деонимизации в результате опредмечивания имени лица или места при переходе в название вещи: Калашников – калашников, Гжель – гжель. По отношению к ним В.П.Нерознак использует термин апеллоним [Нерознак, Ханичев, 2002]. На

наш взгляд, подобные отономастические лексические единицы не являются фактом языка, а лишь фактом речи, в процессе которой и происходит их опредмечивание.

Самый универсальный способ переключения ИС в новую сферу предметных связей - это установочное сочетание с родовым наименованием [Суперанская, 1978: 27]: кот Васька, коза Зойка, корвет «Калмыкия», большой десантный корабль (БДК) «Королев», ресторан "Прага", отель «Пекин», конфеты «Марс», шоколад «Аленка» и т. д.

При последующих употреблениях в том же тексте козу можно уже называть Зойкой, не повторяя слова коза, однако в предложениях типа "Иван Иванович вернулся в "Пекин" только поздно вечером" (имеется в виду гостиница, а не город) и "Цезарь Куников" направлен в Сирию с грузом боеприпасов для сирийской армии» с целью исключения неясности при чтении русская пунктуация требует употребления соответствующих ИС в кавычках.

Конечно, имя героя ВОВ Цезаря Львовича Куникова в ассоциации с десантным кораблем является лишь фактом увековечивания памяти героя, актом искусственного именования, но и перенесение на отели имен таких уникальных объектов, как Пекин, Берлин, Москва, также не обеспечивает общепонятности.

Живая речь в состоянии представить в новой предметной связи любое знаменитое имя, В отчетах о скачках и собачьих бегах в английских газетах можно видеть также имена как Nelson, Wellington, Churchill в качестве кличек лошадей и собак. Несмотря на лаконизм таких отчетов, техника переключения антропонимов в зоонимы здесь имеет очень четкую форму: шрифт, сочетание с цифрами, отражающими результаты забегов и физические данные животных, место публикации, аранжировка текста и т.д. Несмотря на полную ясность соотнесенности таких речевых наименований, нет никакой надежды на их узувальный переход в зоонимы.

Большинство переносов ИС из одной группы в другую остается в сфере речи. Они носят заимствованный, временный, условный характер и стадии языкового узуса не достигают.

Nelson' Column - микропоним, имя адмирала в составе которого остается антропонимом, так же как улица Горького, проспект Чехова - сочетание нарицательного слова и антропонима и поэлементно или в сокращенном виде (что особенно важно) в топоним не переходит: нельзя сказать «Иду по *Чехову*» или " Иду по *Горькому*". Предложения типа "иду по Горького" есть лишь речевой вариант нормативного "иду по улице Горького" и результат сокращения последнего.

Большой проспект, Первая линия, авеню Д и т.п. - это речевые образования, в которых языку принадлежит лишь модель, семантический принцип образования. Ономастический смысл таких образований в выполнении прямой, указательной функции и в дополнительной ориентации вновь названного предмета среди ему подобных.

В разное время делались стихийные попытки нормализовать индивидуальные наименования тиражируемых предметов, придавая им повторяющуюся словообразовательную форму или придерживаясь некоторой системы в образовании названий определенного класса предметов. Так, появились крейсера "Изумруд", «Брильянт», «Аметист». «Сапфир», "Алмаз", миноносцы "Бедовый", "Безупречный", "Блестящий", "Бодрый", "Бравый"; в номенклатуре охотничьих собак складывались стереотипные клички борзых и гончих "Догоняй", "Порывай", "Угадай" и т.п.. Определенное влияние на процесс имятворчества имеет и имела языковая мода [Крюкова, 2007: 126] Однако языковая значимость и масштабы придания некоторой системы названиям предметов определенного класса несопоставимы с масштабами имятворчества во всех сферах человеческой деятельности.

Наименование предмета или явления объективного мира собственным

названием представляет собой процесс соотнесения конкретного объекта как члена соответствующей предметной системы с именем, входящим в определенную ономастическую систему (при наименовании традиционным именем), или с нарицательным названием, заимствованным у объекта, относящегося к некоторой определенной предметной системе. При этом, системные семантические признаки нового названия используются для исторической, социальной, географической и т.п. ориентации вновь названного предмета. Он не только выделяется из числа себе подобных при помощи новой этикетки, но и включается в некую ономастическую систему, общее значение которой соответствует частному значению вновь названного объекта, но в своей системной замкнутости зависит от общего значения исходных нарицательных наименований. Такими наименованиями являются числовые названия улиц, например, Первая, Вторая, Третья и т.д. улицы, Первая, Вторая и т. д. линии на Васильевском острове Санкт-Петербурга и, в подражании столичному образцу, в других городах, например, в бывшем Нахичевани-на-Дону; First, Second, Third Street в Нью-Йорке, алфавитные названия проспектов в Филадельфии (авеню А, авеню В, авеню С и т.д.). Кроме постоянного обозначения определенного микропонимического объекта (улица, проспект, населенный пункт и т.д.) такое название, опираясь на место в натуральном ряду чисел, в алфавите и т.д. ориентировало и определяло вновь наименованный предмет среди ему подобных.

Пример с числовыми названиями улиц представляет соотношение двух понятийных систем - улицы и натуральный ряд чисел в наиболее наглядном и простом виде. Но причудливые многообразные пути имитворчества иногда приводят к ономастическому сближению разнородных предметных систем, сходство которых могло быть установлено лишь случайным актом творческой фантазии .

Практическое различие ИС и ИН в речи в теоретической основе

связано с отнесением различных речевых именовании к языковому узусу или к окказиональным употреблением. Это означает, что к языку и речи относятся все антропонимы и топонимы, имеющие устойчивое употребление, традиционную структуру и зарегистрированные в лексикографических и справочных изданиях, а к речи все речевые индивидуальные наименования, включающие родовое нарицательное слово и собственное имя. В этих последних достоянием языка являются модели образования, традиционные для национального языка и для родственных языков.

Очень распространенным случаем разграничения ИС и ИН в речи является дифференциация традиционных языковых имен собственных и индивидуальных наименований смешанного состава, включающих нарицательные родовые обозначения и традиционные или вновь созданные собственные имена: атомный ледокол "Сибирь", производственное объединение "Горизонт", фирма "Силуэт" и т.п. Теряя свое исходное общее и частное значения, ИС, входящие в такие наименования, сохраняют грамматическое значение единичности и индивидуальности, присущие собственным именам, и приносят это значение в речевые индивидуальные наименования со своим участием. Освобождение звукового комплекса такого антропонима или топонима от исходной предметной соотнесенности при включении в наименования предметов, отличных от исходных, не сопровождается немедленным закреплением за ним новой предметной соотнесенности [Ср. Болотов, 1970: 36]. В бесчисленных наименованиях типа теплоход "Армения", георгины "Океан" и "Пьер Дегейтер", шоколад «Марс» и т.п. Основная информация о роде называемого предмета сообщается нарицательным словом. Закрепление нового видового значения за звуковым комплексом антропонимического или топонимического происхождения совершается не сразу, в большинстве случаев без описательной апеллятивной подпорки и поддержки контекста оно остается

шатким. Услышав изолированные от контекста предложения "Я все думаю о «Сибири" или "Моим детям нравится "Марс", мы не можем решить, идет ли в этих случаях речь о территории, или ледоколе, боге войны, планете или шоколадной конфете. Лишь опираясь на фоновые знания о предмете разговора (зная, что собеседник географ или экономист, занятый изучением Сибири, или кораблестроитель) или о речевой ситуации (лекция о богах Олимпа, реплика астронома, беседа двух друзей, занятых покупкой конфет), мы можем правильно идентифицировать эти сокращенные в речи наименования (ледокол "Сибирь", конфета "Марс").

Среди миллионов речевых индивидуальных наименований в любой период можно отыскать несколько наиболее удачливых, которые в силу особой распространенности референта или специфики речевого коллектива полностью принимают на себя обязанности выражения и речевого и видового наименования, становятся носителями и общего и единичного понятий о новом предмете. Так, в среде садоводов "антоновка" и "джонатан" - это только названия хорошо известных сортов яблок. Такие исключения немногочисленны, их возникновение в значительной степени зависит от близости соответствующей профессиональной речевой сферы к бытовой речи. Говоря же о подавляющем большинстве составных речевых наименований типа пылесос "Томас", стиральный порошок "Дарья", мы должны признать, что в их составе перенесенное собственное имя или нарицательное слово, условно возведенное в ранг собственного имени, с соответствующим оформлением прописной буквой и кавычками, освобожденные от старой предметной соотнесенности и не получившие новой, играют роль носителя чистого значения единичности, становятся формантами значения уникальности, сообщаемого ими всему составному наименованию. В основе возникновения таких наименований лежит продуктивная словообразовательная тенденция современного русского имятворчества. Ее суть в том, что для речевой индивидуализации любого

нового сорта или вида промышленной продукции, любого индивидуального изделия достаточно составить наименование по формуле: родовое наименование, выражаемое нарицательным словом или сочетанием нарицательных слов, + собственное имя. Это последнее теоретически может быть принадлежностью любого ономастического словаря или именем нарицательным, окказионально преобразованным в ИС.

Собственное имя в составе такой формулы полностью теряет исходные единичные и общие значения и становится лишь носителем грамматического значения единичности.

Таким образом, разграничение ИС и ИН в речи определяется их грамматической формой, комбинаторикой и контекстом, узуальной принадлежностью ИС, как свободно употребляемых, так и включаемых в индивидуальные речевые наименования и к соответствующему ономастическому словарю.

Суммируя выше сказанное, отметим, что включения ИС в речевые наименования, несмотря на их массовость, носят окказиональный характер, и очень редко служат базой для образования омонимов - новых нарицательных слов. Относительно нечастый переход ИС в ИН в очень большой степени зависит от семантической структуры исходного собственного имени и от степени известности нового объекта наименования. ИС в составе индивидуального речевого наименования не есть имя собственное в настоящем смысле, а лишь уточнитель, формант значения единичности, существующий только постольку, поскольку сохраняется его наименование. С исчезновением или преобразованием этого наименования ИС-уточнитель возвращается в свое первоначальное состояние.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Болотов В.И. К вопросу о значении имени собственного. М.: Восточно-славянская ономастика», 1972. – С.333-345.
2. Вавилонская башня. Слово. Текст. Текст. Культура. Ежегодные международные Чтения памяти кн. Н.С.Трубецкого – 2001. МГЛУ (16-17 апреля 2001 г.) «Евразия на перекрестке языков и культур» М, 2002. - 347 с.
3. Имена собственные на стыке языков и культур/ Д.И. Ермолович. — М.: Р.Валент, 2001. - 200 с.
4. Как ураганы и трагические штормы получают имена. Электронный ресурс: <http://www.obkom.com>
5. Крюкова И.В. Названия российских деловых объектов с точки зрения языковой моды. Экономика обозрения (РАН), 2007. - №1. – С.120-131
6. Никитин С.А., Зинин С.И., Агеева Р.А. Омонимия в ономастике. Folia onomastica Croatica. – Zagreb, 1992. Knjiga 1, c.29-42
7. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного., М.: Наука, 1973. – 366 с.
- Суперанская, А.В. Народные географические номены в лексической системе языка. Onomastica XXIII, 1978. С.25-33

List of References

1. Bolotov V.I. K voprosu o znachenii imeni sobstvennogo. M.: Vostochno-slavyanskaya onomastika», 1972. – S.333-345.
2. Vavilonskaya bashnya. Slovo. Tekst. Tekst. Kul'tura. Ezhegodnye mezhdunarodnye CHteniya pamyati kn. N.S.Trubeckogo – 2001. MGLU (16-17 aprelya 2001 g.) «Evraziya na perekrestke yazykov i kul'tur» M, 2002. - 347 s.
3. Imena sobstvennyye na styke yazykov i kul'tur / D.I. Ermolovich. — M.: R.Valent, 2001. - 200 s.
4. Kak uragany i tragicheskie shtormy poluchayut imena. EHlektronnyj resurs: <http://www.obkom.com>
5. Kryukova I.V. Nazvaniya rossijskih delovyh ob"ektov s tochki zreniya yazykovoj mody. EHkonomika obozreniya (RAN), 2007. - №1. – S.120-131
6. Nikitin S.A., Zinin S.I., Ageeva R.A. Omonimiya v onomastike. Folia onomastica Croatica. – Zagreb, 1992. Knjiga 1, c.29-42

7. Superanskaya, A.V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo., M.: Nauka, 1973. – 366 s.
8. Superanskaya, A.V. Narodnye geograficheskie nomeny v leksicheskoy sisteme yazyka. Onomastica XXIII, 1978. С.25-33